

На правах рукописи

СМОЛЕНСКИЙ
Илья Вадимович

**Влияние пренатального стресса на формирование
гормональных и поведенческих нарушений у самцов крыс в
модели посттравматического стрессового расстройства**

03.03.01 – физиология

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата биологических наук

Санкт-Петербург-2018

Работа выполнена в лаборатории нейроэндокринологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук и лаборатории молекулярных механизмов нейронных взаимодействий Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова Российской академии наук.

Научный руководитель:

Ордян Наталья Эдуардовна, доктор биологических наук, заведующая лабораторией нейроэндокринологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института физиологии им. И.П. Павлова РАН

Официальные оппоненты:

Ватаева Людмила Анатольевна, доктор биологических наук, профессор кафедры клинической психологии и психологической помощи Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Цикунов Сергей Георгиевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией психофизиологии эмоций Физиологического отдела им. И.П. Павлова Федерального научного бюджетного учреждения «Институт экспериментальной медицины»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ ИЦиГ СО РАН), Новосибирск.

Защита состоится «18» декабря 2018 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 002.127.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова Российской академии наук по адресу 194223, Санкт-Петербург, пр. Тореза, д. 44, тел. (812)-552-79-01, электронная почта office@iephb.ru, сайт <http://www.iephb.ru>.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ИЭФБ РАН (Санкт-Петербург, пр. Тореза, 44), с авторефератом – на сайте ВАК РФ, с авторефератом и диссертацией – на сайте ИЭФБ РАН: <http://www.iephb.ru>.

Автореферат разослан «___» октября 2018 года

Ученый секретарь диссертационного совета, д.б.н. Р.Г. Парнова

Актуальность проблемы. По соотношению распространенности в популяции с одной стороны и сложности лечения с другой стороны посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) занимает лидирующие позиции среди психических и неврологических расстройств, уступая лишь нейродегенеративным заболеваниям. Распространенность ПТСР среди населения различается в разных странах – от 1,3% в Японии до 8,8% в Северной Ирландии. В развитых странах основной причиной развития ПТСР является сексуальное и физическое насилие, а также утрата близкого человека, тогда как в наименее развитых странах – войны и природные катаклизмы (Atwoli и др., 2015). Также только в развитых странах прослеживается корреляция риска развития ПТСР с социо-демографическими факторами – уровнем образования (Carmassi и др., 2014), возрастом, полом (выше у женщин), профессией (выше у безработных) (Ferry и др., 2014). В повышенной зоне риска развития ПТСР находятся представители силовых ведомств – военные и полицейские, а также спасатели. Распространенность ПТСР среди 1938 участников военных операций США в Ираке и Афганистане составила 13,8% (Tanielian и др., 2008), а среди американских полицейских – от 3 до 17 % (Robinson и др., 1997). Высокая вероятность развития ПТСР у людей, переживших теракты, такие как 11 сентября 2001 года во Всемирном торговом центре в США (Yehuda и др., 2009), у пострадавших во время войн и Холокоста (Yehuda и др., 1995b). Среди всех тревожных расстройств ПТСР занимает первое место по объему медицинских расходов (Marciniak и др., 2005). На сегодняшний день основной подход к лечению ПТСР – психотерапия, в первую очередь когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) (Reisman, 2016). Отсутствие четкого понимания патогенетических механизмов ПТСР препятствует разработке специфичных фармакологических препаратов для его терапии, в результате единственными допущенными препаратами для лечения ПТСР являются антидепрессанты из группы селективных ингибиторов обратного захвата серотонина сертралин и пароксетин, эффективность которых во многих случаях невысока (Jeffreys, 2016). Препараты второго выбора – трициклические антидепрессанты и ингибиторы моноаминоксидазы, показали еще более низкую эффективность и больше побочных эффектов (Davis и др., 2004; McRae и др., 2004; Schneier и др., 2015).

Поскольку действие стрессорных факторов приводит к изменению работы не только нервной (McEwen, 2007), но и эндокринной (Selye, 1974) и иммунной систем (Glaser и Kiecolt-Glaser, 2005), то его влияние, опосредованное гормонами и цитокинами, проходящими через плаценту, может передаваться плоду (Weinstock, 2001). В результате у потомства матерей, переживших сильный стресс во время беременности, могут наблюдаться нарушения в поведении, функционировании эндокринной и нервной систем, иммунный дефицит, снижение антиоксидантной защиты и общее нарушение развития. Все эти факторы приводят к снижению адаптивных ресурсов организма и устойчивости к стрессорным воздействиям, что проявляется в увеличении предрасположенности к неврологическим и психическим расстройствам широкого спектра, в том числе тревожно-депрессивным (Seckl и Meaney, 2006). В клинических и экспериментальных исследованиях многократно показано, что пренатально (т.е. в период внутриутробного развития) стрессированные потомки отличаются от контрольных сверстников повышенной тревожностью и активностью, асоциальным и агрессивным поведением (Davis и Sandman, 2012; Wakshlak и Weinstock, 1990). Также у таких потомков усиливается активность гормональной системы «гипоталамус-гипофиз-надпочечники» (ГГАС), в результате которой ее центральные звенья становятся менее чувствительными к сигналам отрицательной обратной связи от периферических глюкокортикоидных гормонов. Нарушение работы ГГАС потомков в результате действия пренатального стресса усиливает их предрасположенность к постстрессовым тревожно-депрессивным расстройствам, в том числе ПТСР.

Несмотря на бесспорную актуальность вопроса о совместном влиянии пренатального стресса и ПТСР на работу нейроэндокринной системы потомства, в мировой литературе полностью отсутствуют работы с экспериментальным изучением протекания ПТСР на фоне пренатального стресса в моделях на лабораторных животных. Хотя в ряде работ R.Yehuda оценивается влияние фактора развития ПТСР у родителей на вероятность развития ПТСР у их детей (Yehuda и др., 2000, 2001, 2008), в них речь идет больше о генетических факторах развития

ПТСР, чем о прямом влиянии расстройства у родителей на здоровье потомков. Единственными публикациями на эту тему являются работы лаборатории нейроэндокринологии Института физиологии им. И.П. Павлова РАН, причем выполненные не только на самцах, но и на самках крыс (Ordyan и др., 2014; Pivina и др., 2014; Mironova и др., 2017).

Понимание нейроэндокринных и молекулярных механизмов патогенеза ПТСР откроет новые возможности для фармакологической терапии этого заболевания. Один из путей изучения патогенеза ПТСР – эксперименты по совместному влиянию пренатальных и постнатальных стрессорных воздействий. Так, известно, что пренатальный стресс приводит к активации ГГАС с увеличением базального уровня кортикостерона и со снижением плотности кортикостероидных рецепторов в гиппокампе и, как следствие, к нарушению торможения по механизму отрицательной обратной связи (ООС) (Weinstock, 2001). В то же время при ПТСР наблюдаются противоположные изменения – снижение базального уровня кортикостерона, увеличение плотности рецепторов и усиление ООС (Yehuda, 2002). Представляется интересным результат взаимодействия двух факторов с такими противоположными эффектами, с целью чего в работе ПТСР было смоделировано на крысах, ранее подвергшихся стрессорному воздействию в пренатальном периоде онтогенеза.

Цель исследования – изучение влияния материнского стресса во время беременности на психоэмоциональные, нейрогормональные и биохимические нарушения у потомства при формировании постстрессового состояния в модели посттравматического стрессового расстройства у самцов крыс.

Задачи исследования:

1. Изучить поведенческие проявления постстрессового расстройства в модели ПТСР у контрольных и пренатально стрессированных (ПС) самцов крыс по изменению уровня тревожности и депрессивноподобного поведения.
2. Оценить профиль активности гипоталамо-гипофизарно-адренкортикальной системы (ГГАС) в ходе формирования постстрессового расстройства в модели ПТСР у контрольных и ПС самцов крыс.
3. Изучить динамику содержания кортиколиберина и вазопрессина в паравентрикулярном ядре гипоталамуса (ПВЯ) контрольных и ПС самцов крыс в ходе формирования постстрессового расстройства в модели ПТСР.
4. Изучить динамику количества глюкокортикоидных (ГР) и минералокортикоидных (МР) рецепторов в гиппокампе контрольных и ПС самцов крыс в ходе формирования постстрессового расстройства в модели ПТСР.
5. Оценить уровень окислительных модификаций белков и активность антиоксидантной системы в крови и структурах головного мозга контрольных и ПС самцов крыс в ходе формирования постстрессового расстройства в модели ПТСР.

Положения, выносимые на защиту:

1. Пренатально стрессированные животные в модели ПТСР формируют тревожно-депрессивное состояние, сопровождающееся длительным снижением уровня глюкокортикоидных гормонов в крови.
2. На фоне пренатального стресса усиление отрицательной обратной связи ГГАС, характерное для посттравматического стрессового расстройства, выражено сильнее, сохраняется в течение более длительного срока и сопровождается увеличением содержания в гиппокампе высокоаффинных минералокортикоидных рецепторов, а не низкоаффинных глюкокортикоидных рецепторов.
3. Пренатальный стресс способствует ускоренному запуску процессов окислительной модификации белков и подавлению активности супероксиддисмутазы в модели ПТСР.

Научная новизна работы. Впервые показано, что моделирование ПТСР на фоне пренатального стресса приводит к формированию состояния смешанного тревожно-депрессивного, а не чисто тревожного характера. Установлено, что базальный уровень кортикостерона при ПТСР может как снижаться, так и оставаться неизменным, тем не менее, только у пренатально стрессированных крыс формирование ПТСР-подобного состояния

сопровождается его снижением. Увеличение чувствительности ГГАС к сигналам отрицательной обратной связи, характерное для ПТСР, также сохраняется дольше на фоне пренатального стресса, выражено сильнее, проявляясь даже в отсутствие экзогенной нагрузки. Параллельно со снижением уровня кортикостерона в крови в ходе моделирования ПТСР у ПС крыс снижается содержание кортиколиберина и вазопрессина в ПВЯ гипоталамуса. Впервые выявлено, что изменение содержания кортикостероидных рецепторов в поле СА1 гиппокампа у ПС животных имеет иную динамику в ходе моделирования ПТСР – увеличение содержания высокоаффинных минералокортикоидных, а не низкоаффинных глюкокортикоидных рецепторов, что может быть причиной как сниженной базальной активности ГГАС, так и более сильного усиления отрицательной обратной связи в этой гормональной оси.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты, изложенные в настоящей работе, расширяют знание о трех важных патологических процессах: 1) патогенное влияние пренатальных стрессорных воздействий на здоровье потомства; 2) патогенез посттравматического стрессового расстройства; 3) совместное влияние пренатального стресса и посттравматического стрессового расстройства на функционирование нейроэндокринной системы, уровень окислительного стресса и антиоксидантной защиты.

Изучение проявлений совместного действия пренатального стресса и посттравматического стрессового расстройства позволяет приблизиться к пониманию нейрофизиологических механизмов, лежащих в основе парадоксальных изменений в работе ГГАС, характерных для клинической картины ПТСР – снижение уровня глюкокортикоидов в крови и усиление торможения ГГАС по механизму отрицательной обратной связи. Различия в нарушениях работы вазопрессин- и кортиколиберинергических систем мозга, изменениях плотности кортикостероидных рецепторов в клетках гиппокампа у пренатально стрессированных животных свидетельствуют о специфических особенностях протекания патологического состояния в модели ПТСР.

С практической точки зрения полученные в работе результаты об особенностях формирования ПТСР-подобного состояния у пренатально стрессированных животных могут способствовать усовершенствованию методов фармакологической коррекции посттравматических психопатологий у людей, имеющих в анамнезе стрессорное состояние их матерей во время беременности.

Методология и методы исследования. Для моделирования ПТСР в работе использовали парадигму «стресс-рестресс», заключающуюся в предъявлении животному тяжелого комбинированного стрессорного воздействия с повторным стрессированием (рестресс) через 7 дней. В качестве рестресса применяли один из типов стрессорного воздействия, который использовали при процедуре комбинированного стрессирования, но меньшей интенсивности. Моделирование пренатального стресса осуществляли путем воздействия на беременных крыс иммобилизационного стресса с 15 по 19 день гестации. В работе использовали различные поведенческие методы для определения уровня тревожности и выраженности депрессивно-подобного поведения, радиоиммунный анализ уровня кортикостерона в плазме крови, иммуногистохимический метод для определения экспрессии кортиколиберина и вазопрессина в ПВЯ гипоталамуса, а также уровня ГР и МР в гиппокампе, биохимические методы для определения окислительной модификации белков и активности фермента антиоксидантной защиты (Cu,Zn-супероксиддисмутазы).

Апробация работы. Результаты работы были представлены и обсуждались на Конференции молодых ученых «Механизмы адаптации физиологических систем организма к факторам среды» (Санкт-Петербург, 2010); XVIII Межгородской конференции молодых ученых «Актуальные вопросы патофизиологии» (Санкт-Петербург, 2012); II Всероссийской конференции «Проблемы биомедицинской науки третьего тысячелетия» (Санкт-Петербург, 2012); XV Всероссийской медико-биологической конференции молодых исследователей с международным участием «Фундаментальная наука и клиническая медицина – Человек и его здоровье» (Санкт-Петербург, 2012); Всероссийской конференции с международным участием «Современные проблемы физиологии высшей нервной деятельности, сенсорных и висцеральных

систем», посвященной 90-летию со дня основания Института физиологии им. И.П. Павлова РАН (Санкт-Петербург, 2015); XV Всероссийском совещании с международным участием и VIII школе по эволюционной физиологии, посвященных памяти академика Л.А. Орбели и 60-летию ИЭФБ РАН (Санкт-Петербург, 2016); XXIII Съезде Физиологического общества им. И.П. Павлова (Воронеж, 2017); на семинарах лаборатории нейроэндокринологии Института физиологии им. И.П. Павлова РАН и лаборатории молекулярных механизмов нейронных взаимодействий Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН.

Публикации. Результаты, представленные в диссертации, опубликованы в 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований, 6 работ опубликовано в материалах научных конференций. Список публикаций представлен в конце автореферата диссертации.

Личный вклад автора. Автор лично проводил все экспериментальные манипуляции с животными – пренатальное стрессирование, моделирование ПТСР, оценку поведенческих нарушений, а также всю компьютерную обработку – анализ иммунореактивности гистологических срезов и статистический анализ результатов. Сотрудники лаборатории нейроэндокринологии Института физиологии им. И.П. Павлова РАН (С.Г. Пивина, В.В. Ракицкая, А.В. Притворова) помогли автору в проведении радиоиммунного, иммуногистохимических и биохимических исследований и являются соавторами соответствующих публикаций.

Объём и структура диссертации. Работа изложена на 135 страницах текста и состоит из введения, методики исследований, результатов, их обсуждения, заключения и выводов. Диссертация проиллюстрирована 7 таблицами и 27 рисунками. Список цитируемой литературы насчитывает 429 источников— 36 русскоязычных и 393 англоязычных.

Материалы и методы исследований

Экспериментальные животные и использованные модели. В работе использовались половозрелые крысы Вистар (N=242), выращенные в виварии Института физиологии имени И. П. Павлова РАН. Крысы содержались в стандартных условиях при свободном доступе к пище и воде. Для моделирования пренатального стресса беременных самок крыс подвергали ежедневной 60-минутной иммобилизации в пластиковых пеналах с 15 по 19 дни беременности (0 день – обнаружение сперматозоидов в мазках) – в критический период для формирования нейроэндокринных механизмов стрессореактивности. Для моделирования ПТСР в парадигме «стресс-рестресс» 3-месячных самцов крыс (контрольных и ПС) подвергали тяжелому комбинированному стрессу – двухчасовой иммобилизации, 20-минутному вынужденному плаванию и, после 15-минутного перерыва, эфирному стрессу до потери сознания, а через 7 дней рестрессу – 30-минутной иммобилизации. В разных сериях экспериментов оценивались поведенческие, гормональные, гистологические и биохимические показатели тревожно-депрессивного расстройства в модели ПТСР спустя 1, 10, 20 и 30 дней после рестресса. Были сформированы следующие экспериментальные группы, состоящие из взрослых самцов крыс: «Контроль без ПТСР», «Контроль-ПТСР 1 день», «Контроль-ПТСР 10 дней», «Контроль-ПТСР 20 дней», «Контроль-ПТСР 30 дней», «ПС без ПТСР», «ПС-ПТСР 1 день», «ПС-ПТСР 10 дней», «ПС-ПТСР 20 дней», «ПС-ПТСР 30 дней». При проведении экспериментов соблюдались требования, сформулированные в Директивах Совета Европейского сообщества (86/609/ЕЕС) об использовании лабораторных животных. Протоколы опытов были утверждены Комиссией по гуманному обращению с животными Института физиологии им. И.П. Павлова РАН.

Методы исследования психоэмоционального состояния крыс. В приподнятом крестообразном лабиринте оценивался уровень тревожности (время, проведенное в освещенных открытых рукавах – конфликт мотивации страха и исследовательского поведения). В тесте вынужденного плавания Порсолта (время неподвижности – отражает поведенческое отчаяние при невозможности выбраться из воды комнатной температуры) оценивалось выраженность депрессивноподобного поведения.

Методы оценки активности ГГАС. Для определения базального уровня кортикостерона за день до забора крови крысы рассаживались по 2 особи в каждую клетку. На следующий день с 12 до 13 часов у них отбиралась кровь из хвостовой вены. Базальный уровень гормонов определялся у крыс без моделирования ПТСР, а также через 10 дней и через 30 дней после рестресса. Для оценки быстрой отрицательной обратной связи (ООС) в ГГАС кровь отбиралась через 30 и 60 минут (у разных крыс) после начала 30-минутной иммобилизации – во время рестресса и 30 дней спустя. Для проведения нагрузочного теста часть крыс перед рестрессом получала инъекции синтетического глюкокортикоида гидрокортизона (0,3 мг/кг, GedeonRichter, Венгрия), усиливающего торможение ГГАС. Уровень кортикостерона в плазме крови оценивали радиоиммунным методом по конкурентному связыванию меченного и немеченного гормона с антителами и оценке радиоактивности образующегося комплекса меченного гормона с антителами.

Иммуногистохимические методы уровня нейрогормонов и кортикостероидных рецепторов. Головной мозг фиксировали в параформальдегиде, проводили по спиртам, ксилолам и парафинам, заливали в парафиновые блоки и изготавливали фронтальные срезы через гиппокамп (для оценки количества кортикостероидных рецепторов) и через ПВЯ гипоталамуса (для оценки содержания кортиколиберина и вазопрессина). Далее проводилась иммуногистохимическая реакция с использованием первичных и вторичных антител к кортиколиберину (Santa Cruz Biotechnology Inc., США, 1:50), вазопрессину (Millipore Corp., США, 1:500), минералокортикоидным (Santa Cruz Biotechnology Inc., США, 1:100) и глюкокортикоидным (Santa Cruz Biotechnology Inc., США, 1:50) рецепторам, авидин-биотин-пероксидазного комплекса и диаминобензидина для визуализации. Срезы фотографировали с помощью светового микроскопа Jenaval (CarlZeiss, Германия) и цифровой камеры Baumer CX05c (Baumer Optronic, Германия). Полученные изображения обрабатывали в программе «ВидеоТест Морфология» («Видео Тест», Россия) для определения оптической плотности иммунореактивного вещества в клетках. В ПВЯ отдельно обрабатывали крупноклеточную и мелкоклеточную части, а в гиппокампе – поля СА1, СА3, СА4 и зубчатую извилину. Содержание нейрогормона в клетках ПВЯ или рецепторов в клетках гиппокампа описывали средним значением оптической плотности по всем срезам, средним количеством иммунопозитивных клеток и соотношением сильно- и слабопозитивных клеток.

Биохимический анализ окислительной модификации белков (ОМБ). После декапитации из черепа извлекали гипоталамус, гиппокамп и неокортекс, а также забирали кровь. Окислительную модификацию белков оценивали в двух формах – спонтанной (СОМБ, показатель окислительного стресса) и индуцированной реактивом Фентона (ФОМБ, показатель количества субстрата для окисления и, таким образом, устойчивости системы к переокислению). После гомогенизации и осаждения нуклеиновых кислот к пробам добавляли натрий-калий-фосфатный буфер (для определения СОМБ) или реактив Фентона (для определения ФОМБ) и обрабатывали 2,4-динитрофенилгидразином для выявления продуктов ОМБ. После центрифугирования и высушивания к пробам добавляли мочевины, а концентрацию продуктов окисления – карбонильных производных, определяли спектрофотометрически на длине волны 270 нм (стадия инициации, окисление полярных аминокислот) или 363 нм (стадия элонгации, окисление неполярных аминокислот). Количество продуктов ОМБ выражали в единицах оптической плотности, рассчитанной на 1 мг белка.

Биохимический анализ активности супероксиддисмутазы (СОД). Активность Cu,Zn супероксиддисмутазы в гиппокампе, неокортексе (СОД1) и плазме крови (СОД3) определяли по методу Чевари (Чевари и др., 1985) с дополнениями (Арутюнян и др., 2000). Использовали разведенную физиологическим раствором плазму или супернатант от гомогенизации и центрифугирования ткани головного мозга. Принцип метода основан на генерации $O_2^{\cdot-}$ в ходе окислительно-восстановительных реакций в системе, состоящей из НАДН, феназин-метасульфата (ФМС) и нитросинеготетразолия (НСТ). В результате аэробных реакций НАДН и ФМС происходит восстановление ФМС с образованием $O_2^{\cdot-}$, взаимодействуя с которым НСТ восстанавливается с образованием гидразинтетразолия, окрашенного в синий цвет. СОД

конкурирует с НСТ за O_2^- , в результате чего процент восстановления НСТ снижается. Основная реакция взаимодействия НАДН и ФМС достигает равновесия в течение 10 мин и, соответственно детерминирует равновесие ферментной реакции. Торможение реакции, равное 50% принимали за одну условную единицу активности фермента, результаты выражали в УЕ/мг белка. Содержание белка определяли по методу Лоури.

Статистическая обработка данных. Статистическая обработка результатов поведенческих тестов проводилась критерием Манна-Уитни путем сравнения каждой группы с моделированием ПТСР и соответствующей группы без моделирования ПТСР. Результаты гормональных, гистологических и биохимических исследований обрабатывались методом двухфакторного дисперсионного анализа по факторам «пренатальный стресс» (контроль или ПС) и «посттравматическое стрессовое расстройство» (без ПТСР, ПТСР 1 день, ПТСР 10 дней, ПТСР 20 дней и ПТСР 30 дней в разных экспериментах) с последующими парными сравнениями критерием Тьюки. Различия считались достоверными при $p < 0,05$, на гистограммах данные представлены в виде среднее $\pm$ ошибка среднего. Для обработки использовалась программа Statistica 8.0 (StatSoftInc., США).

Результаты и обсуждение

Оценка психоэмоционального состояния крыс при моделировании ПТСР.

Приподнятый крестообразный лабиринт. Пренатально стрессированные крысы демонстрируют большее время, проведенное в открытых рукавах лабиринта (рис. 1, А), что свидетельствует о более низком уровне тревожности, чем у контрольных животных. Причиной снижения уровня тревожности у ПС самцов может быть нарушение метаболизма мужских половых гормонов, вызванного увеличением активности в мозге фермента ароматазы, превращающего тестостерон в эстрадиол. Таким образом, пренатальный стресс стирает межполовые различия в уровне тревожности, приближая более тревожных самцов к менее тревожным самкам (Ордян и др., 2006). Через 10 дней после рестресса в обеих группах происходит снижение времени пребывания в открытых рукавах. Через 20 дней после рестресса в контрольной группе поведение не отличается от поведения крыс без ПТСР, т.е. происходит восстановление уровня тревожности, а у ПС крыс и через 20 дней он остается повышенным.

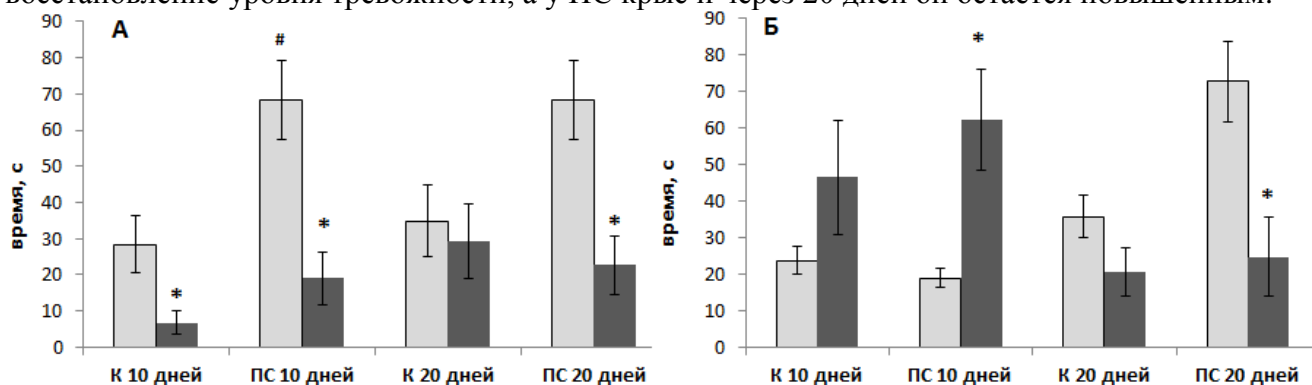

Рисунок 1. Поведение крыс в ходе моделирования ПТСР. А – время в открытых рукавах открытого поля, Б – время неподвижности в тесте Порсолта. Светлые столбики – группы без ПТСР, темные столбики – группы с ПТСР. * - отличия от группы «без ПТСР», $p < 0.05$, # - достоверные различия между контролем и ПС, $p < 0.05$.

Тест «вынужденное плавание» Порсолта. В тесте вынужденного плавания Порсолта контрольные и ПС крысы не различаются по выраженности депрессивноподобного поведения (рис. 1, Б), в отличие от поведения в приподнятом крестообразном лабиринте. Через 10 дней после рестресса и у контрольных, и у ПС крыс снижалось время активного плавания. У ПС это сопровождалось также увеличением времени неподвижности, что говорит об усилении только у них депрессивноподобного поведения. Через 20 дней после рестресса время активного плавания не отличается от крыс без ПТСР ни у контрольной, ни у ПС группы. При этом у ПС крыс время

неподвижности снижается, в противоположность картине через 10 дней, за счет 2-кратного увеличения времени пассивного плавания.

Таким образом, у контрольных крыс в модели «стресс-рестресс» формируется патологическое состояние тревожного профиля, соответствующее клинической картине ПТСР, относящемуся к группе тревожных расстройств по классификации DSM-V. При этом у ПС самцов развивается смешанное тревожно-депрессивное расстройство, признаки которого сохраняются более длительное время, чем у контрольных.

Оценка активности ГГАС при моделировании ПТСР.

Базальный уровень концентрации кортикостерона ($F_{2,52}=9,2$, $p<0,001$, рис. 2) у ПС крыс изначально более чем в 2 раза **выше**, чем у контрольных. Причиной повышения уровня глюкокортикоидов в плазме крови считают проникновение стрессорных гормонов из материнского организма в плод и активацию его собственной ГГАС (Weinstock, 2001). Через 10 и через 30 дней после рестресса у контрольных животных базальный уровень концентрации кортикостерона не отличается от такового у крыс без моделирования ПТСР. У ПС крыс он более чем в 2 раза **снижен** как через 10 дней, так и через 30 дней. Хотя клиническая картина ПТСР может сопровождаться как нормальным, так и сниженным уровнем кортизола в крови, снижение базального уровня кортизола все же считается одним из диагностических признаков ПТСР, так как характерно только для данной патологии (Yehuda, 2002). В данном исследовании у контрольных крыс формирование расстройства не сопровождалось изменениями базального уровня концентрации кортикостерона, тогда как у ПС крыс концентрация кортикостерона снижалась после рестресса вдвое и оставалась сниженной даже через месяц. Таким образом, хотя оба варианта динамики глюкокортикоидных гормонов укладываются в клиническую картину ПТСР, столь явное отличие ПС крыс по этому показателю показывает долгосрочное влияние пренатального стресса на гормональный профиль развития данной патологии.

Уникальность клинической картины ПТСР – усиление чувствительности ГГАС к сигналам отрицательной обратной связи. У пациентов с ПТСР, несмотря на выраженные гормональные нарушения и дисрегуляцию ГГАС, показатели дексаметазонового теста остаются неизменными, либо даже повышенными (Yehuda и др., 1995a). Оказалось, что при ПТСР после быстрой и интенсивной инициации, активационная фаза реакции ГГАС не развивается дальше, а резко сменяется инактивационной фазой и торможением выброса глюкокортикоидов. Такой гормональный профиль ПТСР, по-видимому, представляет собой специфическую характеристику ПТСР, и при других патологиях не описан (Yehuda, 2002). Повышенная стрессореактивность при ПТСР в сочетании быстрым торможением ГГАС уже на ранних стадиях нарушает ее нормальную динамику реакции и, следовательно, проадаптивные функции. Показаны такие изменения и в экспериментальной модели ПТСР «стресс-рестресс» (Liberzon и др., 1997; Harvey и др., 2003; Рыбникова и др., 2010).

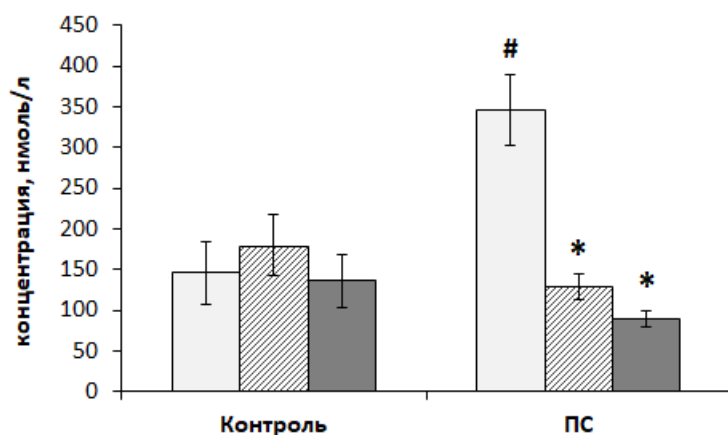

Рисунок 2. Базальный уровень концентрации кортикостерона в плазме крови. Светлые столбики – «без ПТСР», заштрихованные столбики – «ПТСР 10 дней», темные столбики – «ПТСР 30 дней». * - отличие от группы «без ПТСР», $p<0.005$, # - различие между контролем и ПС, $p<0.001$, критерий Тьюки.

В ходе рестресса после предварительной нагрузки экзогенным глюкокортикоидом гидрокортизоном у контрольных и ПС крыс происходит торможение ГГАС по механизму быстрой ООС – уровень кортикостерона через 60 минут достоверно ниже, чем через 30 (рис. 3, Б). При этом у ПС, но не у контрольных крыс при моделировании ПТСР включение торможения ГГАС происходит даже в отсутствие нагрузки гидрокортизоном (рис. 3, А). Быстрая ООС является ключевым диагностическим признаком ПТСР в клинике, и ее включение без дополнительного провокатора говорит о более сильной выраженности патологической активности ГГАС.

Через 30 дней после рестресса при 30-минутной иммобилизации без предварительного введения гидрокортизона (рис. 3, В) снижение концентрации кортикостерона через 60 минут вновь наблюдалось только у ПС крыс. Это говорит о том, что гормональные нарушения при моделировании ПТСР (включение быстрой ООС) у ПС крыс не только выражены сильнее, но и сохраняются более длительное время.

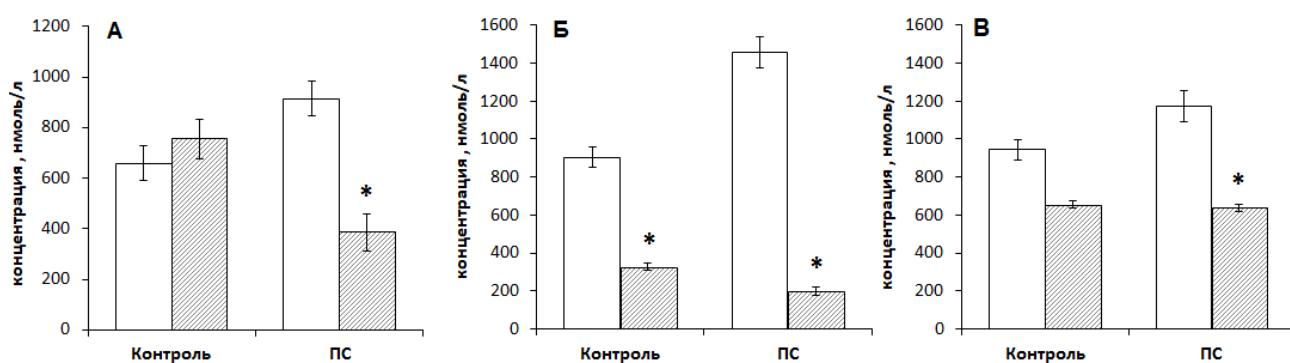

Рисунок 3. Концентрация кортикостерона в плазме крови крыс во время 30-минутной иммобилизации. А – рестресс без введения гидрокортизона, Б – рестресс с введением гидрокортизона, В – 30 дней после моделирования ПТСР без введения гидрокортизона. Белые столбики – через 30 мин, заштрихованные столбики – 60 мин после начала иммобилизации. * - различия между значениями в 30 и 60 мин, $p < 0.001$, критерий Тьюки.

Содержание кортиколиберина и вазопрессина в паравентрикулярном ядре гипоталамуса.

Активация ГГАС у ПС крыс проявлялась не только на периферии в виде повышенного уровня кортикостерона, но и в ее центральном звене – ПВЯ гипоталамуса. Как в мелкоклеточной, так и в крупноклеточной частях ПВЯ отмечено повышение содержания кортиколиберина (кПВЯ: $F_{3,72}=20,3$, $p < 0,01$, рис. 4, А; мПВЯ: $F_{3,72}=18,7$, $p < 0,01$, рис. 4, Б) и вазопрессина (к ПВЯ: $F_{2,106}=10,2$, $p < 0,001$, рис. 5, А; мПВЯ: $F_{2,87}=8,8$, $p < 0,01$, рис. 5, Б) – ключевых нейрогормонов системы стрессорной реакции организма. Кортиколиберин называют «первым медиатором стресса», а вазопрессин кроме ряда висцеральных и психотропных эффектов играет роль функционального синергиста кортиколиберина в ГГАС. Из нейронов мПВЯ кортиколиберин вместе с вазопрессином выбрасываются в портальную гипоталамо-гипофизарную систему, достигают ПОМК-клеток аденогипофиза и стимулируют секрецию адренокортикотропного гормона, запуская работу ГГАС и секрецию глюкокортикоидов корой надпочечников. По аксонам нейронов кПВЯ вазопрессин и кортиколиберин транспортируется в нейрогипофиз, где они выбрасываются в системный кровоток, оказывая периферические эффекты. Таким образом, пренатальный стресс, увеличивая концентрацию кортиколиберина и вазопрессина в обеих частях ПВЯ, усиливает как аденогипофизарное, так и системное их действие.

Изменение содержания кортиколиберина и вазопрессина в ходе моделирования ПТСР, также имело различную динамику у контрольных и ПС крыс. Если у контрольных крыс с 1-го по 30-й день развития расстройства наблюдается увеличение содержания кортиколиберина (рис. 4), то у ПС крыс вслед за более значительным, чем у контрольных увеличением через 1 день происходит длительное снижение на 10-й и 30-й дни после рестресса. Концентрация вазопрессина не изменялась у контрольных крыс (рис. 5), при этом у ПС наблюдалось ее

длительное снижение спустя 10 и 30 дней после рестресса. Причиной резкого снижения уровня кортиколиберина и вазопрессина в ПВЯ может быть истощение их запасов в результате стрессорного выброса в системный кровоток. В данной работе не измерялся уровень этих гормонов в плазме крови, однако в клинических исследованиях показано увеличение концентрации вазопрессина в крови (de Kloet и др., 2008) и кортиколиберина в ликворе (Smith и др., 1989) пациентов с ПТСР. Если причина действительно в этом, то стоит отметить, что увеличение активности вазопрессинергической системы сопровождается увеличением у животных уровня тревожности, характерным для ПТСР (Uys и др., 2003). Для подтверждения предположения о стрессорном выбросе и дальнейшем снижении секреции нейрогормонов необходимы дополнительные исследования. Кроме того у ПС крыс уровень кортиколиберина и вазопрессина исходно был значительно повышен по сравнению с контрольными, поэтому мог интенсивнее и быстрее выбрасываться из ПВЯ в кровоток, повторно нарушая гомеостазис гормональной системы, адаптированной к повышенному уровню базальной секреции вазопрессина. Длительное снижение секреции кортиколиберина и вазопрессина в ПВЯ может говорить об общем истощении ГГАС у ПС крыс, проявляющемся также в снижении уровня кортикостерона в плазме крови через 10 и 30 дней – динамика изменения вазопрессина и кортикостерона в ходе развития расстройства практически совпадает как у контрольных, так и у ПС крыс. Увеличение же содержания кортиколиберина в мПВЯ повторяет многократно показанную ранее особенность не только ПТСР, но и других тревожно-депрессивных расстройств. Так, работами сотрудников лаборатории нейроэндокринологии было показано, что гиперсекреция кортиколиберина в ПВЯ гипоталамуса у самцов крыс наблюдается как при моделировании ПТСР в модели «стресс-рестресс», так и в модели меланхолической депрессии – парадигме «выученная беспомощность» (Миронова и др., 2004; Миронова и Рыбникова, 2008). Можно полагать, что гиперпродукция кортиколиберина является общим механизмом развития пострессовых психопатологий.

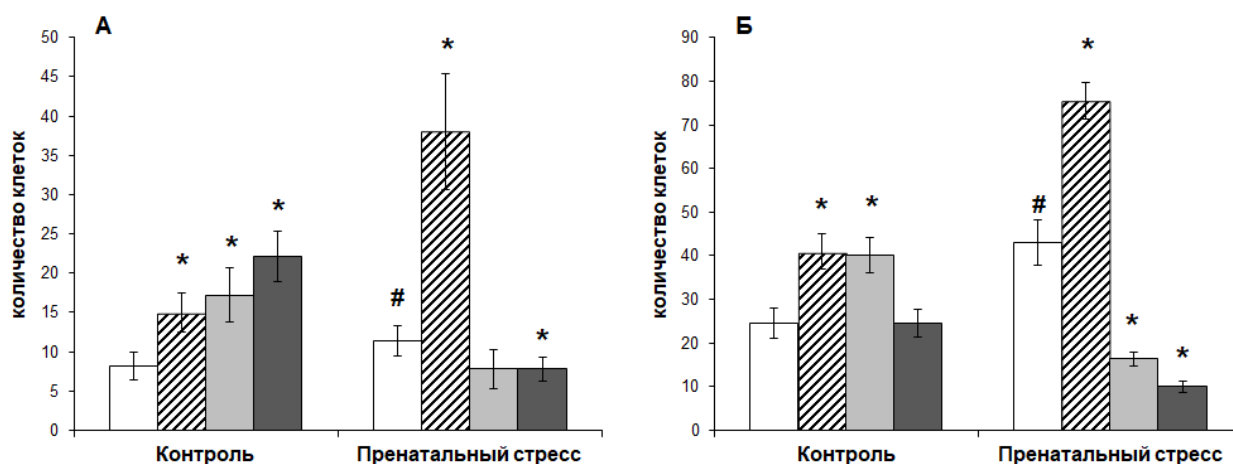

Рисунок 4. Количество кортиколиберин-позитивных клеток в паравентрикулярном ядре гипоталамуса. А – крупноклеточная часть, Б – мелкоклеточная часть. Белые столбики – «без ПТСР», заштрихованные столбики – «ПТСР 1 день», светлые столбики – «ПТСР 10 дней», темные столбики – «ПТСР 30 дней». # - различия между контрольными и ПС крысами, $p < 0,05$, * - отличия от группы «без ПТСР», $p < 0,05$.

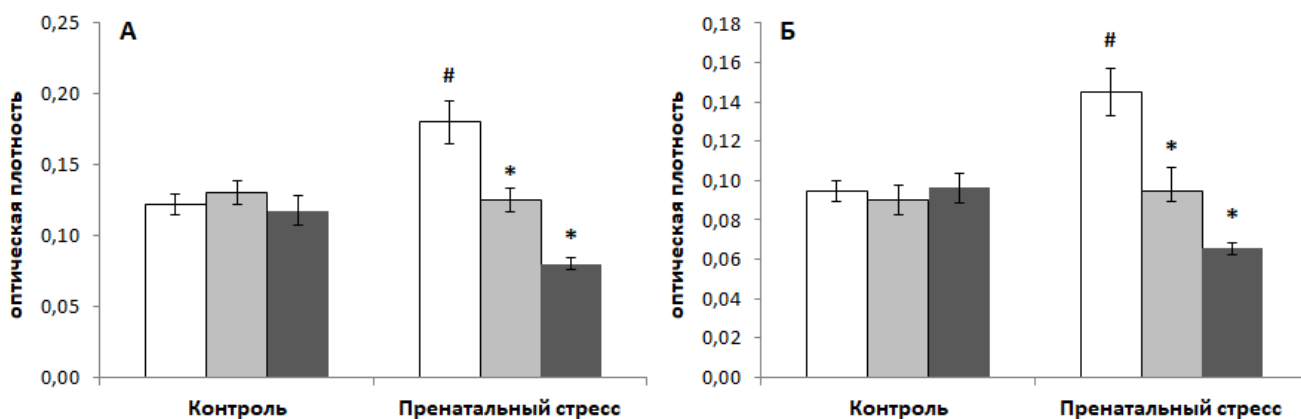

Рисунок 5. Содержание вазопрессина в клетках в паравентрикулярного ядра гипоталамуса. А – крупноклеточная часть, Б – мелкоклеточная часть. Белые столбики – «без ПТСП», заштрихованные столбики – «ПТСП 1 день», светлые столбики – «ПТСП 10 дней», темные столбики – «ПТСП 30 дней». # - различия между контрольными и ПС крысами, $p < 0,05$, * - отличия от группы «без ПТСП», $p < 0,05$.

Содержание минералокортикоидных (МР) и глюкокортикоидных (ГР) рецепторов в нейронах гиппокампа.

ГАМК-ергические интернейроны гиппокампа формируют главный тормозный вход в ПВЯ и играют ключевую роль в торможении ГГАС по механизму отрицательной обратной связи (Reul и Kloet, 1985). Снижение количества кортикостероидных рецепторов в клетках гиппокампа является основной причиной снижения ООС, неоднократно показанной у ПС крыс (Herman и др., 1989b; Weinstock, 2001). В данной работе в полях гиппокампа содержание МР и ГР не различается у контрольных и ПС крыс, при этом в зубчатой извилине у ПС снижено содержание ГР ($F_{1,27}=30$, $p < 0,001$, рис. 6, А).

Наиболее заметные изменения количества ГР и МР в ходе моделирования ПТСП обнаружены в поле СА1, а также в зубчатой извилине – двух зонах гиппокампа, наиболее богатых кортикостероидными рецепторами (Herman и др., 1989a). У контрольных и ПС крыс динамика содержания рецепторов различается (таб. 1) – в контроле через 10 дней после рестресса увеличивался уровень низкоаффинных ГР в поле СА1 ($F_{2,28}=11,8$, $p < 0,05$, рис. 6, Б), при этом у ПС в те же сроки наблюдалось увеличение уровня высокоаффинных МР как в поле СА1 ($F_{2,41}=27,1$, $p < 0,001$, рис. 6, Б), так и в зубчатой извилине ($F_{2,35}=6,9$, $p < 0,001$, рис. 6, А).

Таблица 1. Уровень кортикостероидных рецепторов в нейронах гиппокампа

Структура	Контроль		Пнатальный стресс		
	10 дней	30 дней	отн. контроля	10 дней	30 дней
Поле СА1 гиппокампа	↑ ГР	↑ МР	не отл.	↑ МР	↓ МР
Поле СА3 гиппокампа	не отл.	↑ ГР	не отл.	не отл.	не отл.
Поле СА4 гиппокампа	не отл.	не отл.	не отл.	не отл.	не отл.
Зубчатая извилина	не отл.	не отл.	↓ ГР	↑ МР	не отл.

Механизм и причины усиления экспрессии кортикостероидных рецепторов в гиппокампе и других структурах головного мозга в ходе развития ПТСП на сегодняшний день неизвестны, поэтому объяснить различие в изменении уровня рецепторов у контрольных и ПС крыс пока сложно. Однако увеличение уровня именно высокоаффинных МР должно приводить к более сильному действию глюкокортикоидов на нейроны гиппокампа и, как следствие, к более сильному торможению ГГАС по механизму отрицательной обратной связи. Результаты теста на быструю ООС во время рестресса и 30 дней спустя свидетельствуют как раз о более высокой чувствительности экстрагипоталамических структур крыс группы ПС-ПТСП к тормозному действию глюкокортикоидов по сравнению с крысами группы Контроль-ПТСП – у первых

быстрая ООС включается даже без экзогенной нагрузки ГГАС гидрокортизоном. Через 30 дней у контрольных животных в поле СА1 гиппокампа повышенным оказывалось уже содержание МР, а не ГР, так же возрастало и количество ГР в поле СА3. У ПС крыс, напротив, через 30 дней уровень МР снижался ниже исходного уровня, хотя в отличие от контроля включение ООС в ГГАС в отсутствие экзогенной гормональной нагрузки у них происходит даже спустя 30 суток после рестресса.

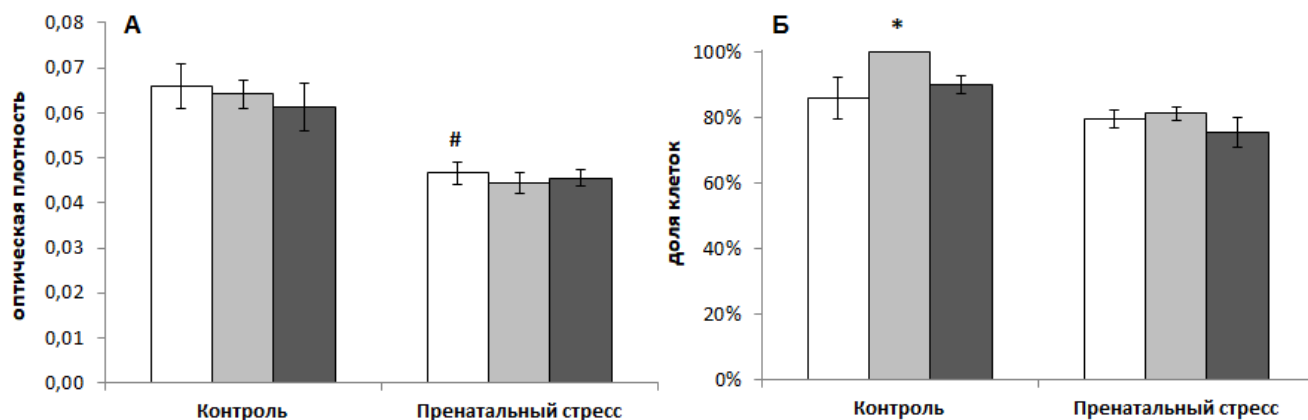

Рисунок 6. Иммуногистохимическая оценка содержания глюкокортикоидных рецепторов (ГР) в зубчатой извилине (А) и поле СА1 (Б) гиппокампа. Белые столбики – «без ПТСП», светлые столбики – «ПТСП 10 дней», темные столбики – «ПТСП 30 дней». * - отличие от группы «без ПТСП», $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, $p < 0,05$, критерий Тьюки.

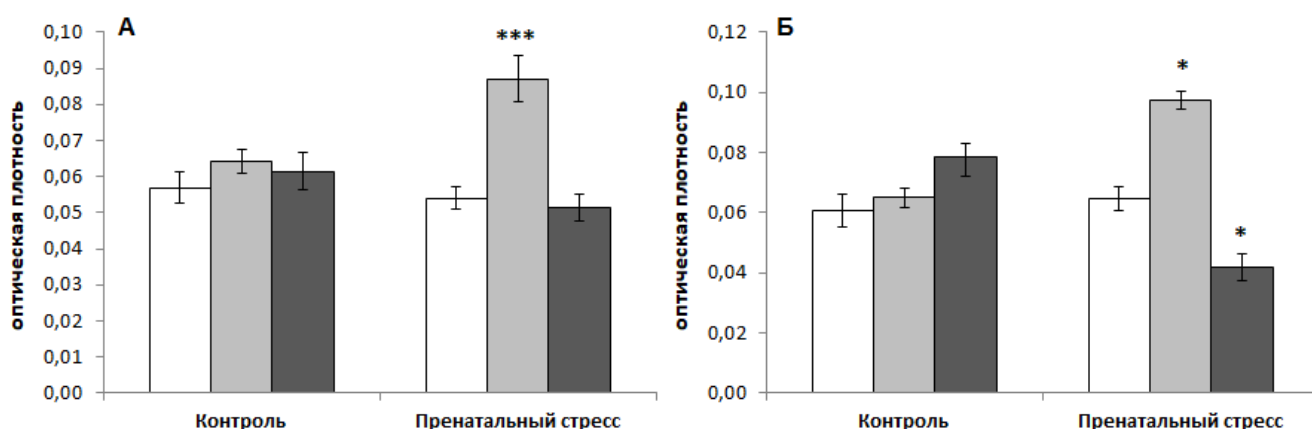

Рисунок 7. Иммуногистохимическая оценка содержания минералокортикоидных рецепторов (МР) в зубчатой извилине (А) и поле СА1 (Б) гиппокампа. Белые столбики – «без ПТСП», светлые столбики – «ПТСП 10 дней», темные столбики – «ПТСП 30 дней». * - отличие от группы «без ПТСП», $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, $p < 0,05$, критерий Тьюки.

Уровень окислительных модификаций белков и активность супероксиддисмутазы в структурах головного мозга и плазме крови.

Важным молекулярным механизмом патологического действия стрессорных факторов на клетки головного мозга является нарушение окислительно-восстановительного баланса, приводящее к окислительным модификациям липидов, белков и ДНК. При этом в ходе эволюции продукты окислительно-восстановительных реакций энергетического метаболизма стали играть важную роль в процессах внутриклеточной сигнализации нейронов, что могло привести к снижению активности антиоксидантных ферментов мозга (Строев и Самойлов, 2006). Интенсивный метаболизм и высокая концентрация полиненасыщенных жирных кислот в мембранах нейронов, с одной стороны, и низкая активность антиоксидантной системы, с другой, делают мозг наиболее чувствительным к действию окислительного стресса органом (Fagoqui и др., 2004). Хотя по данным (Zhu и др., 2004) наибольшее количество кортикостероидных

рецепторов делает гиппокамп наиболее чувствительным к нарушению окислительно-восстановительного баланса, в данной работе усиление окислительных модификаций белков (ОМБ) после пренатального стресса обнаружено в гипоталамусе ($F_{3,63}=9,2$, $p<0,001$, рис. 8, А,Б) – центральном звене системы стрессорного ответа, наиболее сильно вовлеченной в патогенез постстрессорных тревожно-депрессивных расстройств. При этом наряду со спонтанными ОМБ (СОМБ) усиливались и индуцированные (ФОМБ, $F_{3,64}=5,3$, $p<0,001$, рис. 8, В,Г), то есть параллельно с ростом окислительно-восстановительного стресса усиливалась и активность защитных механизмов. В гиппокампе же усиливались только ФОМБ ($F_{3,62}=3,1$, $p<0,05$, рис. 9, В,Г), что могло защищать его клетки от усиления окислительно-восстановительного стресса (таб. 2). Отличались ПС крысы и активностью ключевого фермента антиоксидантной системы – супероксиддисмутазы – в плазме крови была повышена активность СОД3 ($F_{3,64}=9,8$, $p<0,001$, рис. 12, В). В исследовании нашей лаборатории (Вьюшина и др., 2012) она оказалась, напротив, сниженной (на 65%) у ПС крыс по сравнению с контрольными, что может быть связано с использованием разных линий крыс (Спрейг-Доули, а не Вистар) и сроков пренатального стресса (17-20 дни беременности в работе А.В. Вьюшиной, 15-19 дни в данной работе). Данные противоречия требуют дальнейших исследований, однако выявленные отличия в активности СОД3 у пренатально стрессированных самцов крыс могут в будущем послужить основой для разработки новых диагностических методик оценки последствий пренатальных стрессорных воздействий в клинической практике.

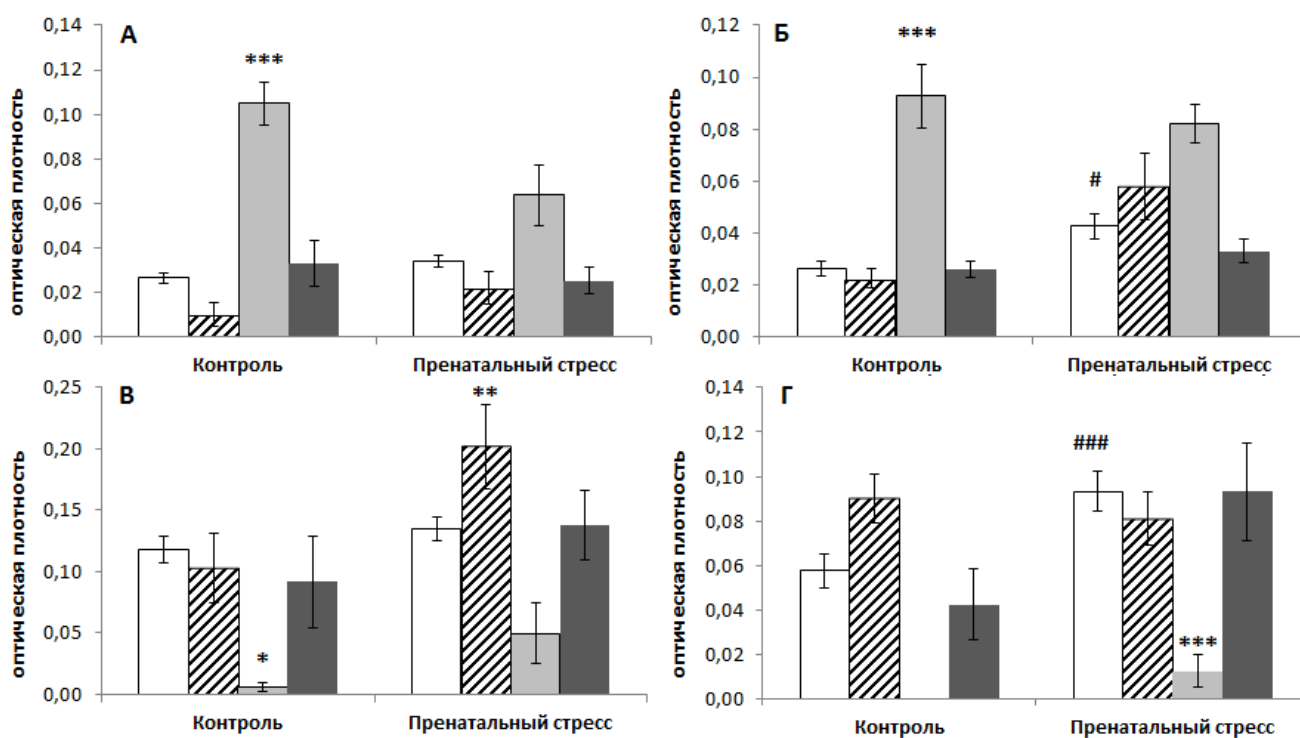

Рисунок 8. Спонтанные (А,Б) и индуцированные реактивом Фентона (В,Г) окислительные модификации белков (ОМБ) в гипоталамусе. А,В – длина волны 270 нм, Б,Г – длина волны 363 нм. Белые столбики – «без ПТСР», заштрихованные столбики – «ПТСР 1 день», светлые столбики – «ПТСР 10 дней», темные столбики – «ПТСР 30 дней» # - различия между контрольными и ПС крысами, $p<0,05$, ### - $p<0,001$; * - отличия от группы «без ПТСР», $p<0,05$, ** - $p<0,01$, *** - $p<0,001$, критерий Тьюки.

Также контрольные и ПС самцы крыс отличаются по динамике уровня СОМБ и ФОМБ, а кроме того, по активности СОД в плазме крови и структурах головного мозга, в ходе развития постстрессового состояния в модели ПТСР. Из таблицы 2 видно, что у контрольных крыс биохимические проявления постстрессовой патологии в модели ПТСР начинают появляться

лишь через 10 суток после рестресса. В их **гипоталамусе** увеличение уровня окислительного стресса (**СОМБ**, $F_{3,64}=24$, $p<0,001$, рис. 8, А,Б) сопровождается снижением уровня устойчивости к окислительному стрессу (**ФОМБ**, $F_{3,63}=4,5$, $p<0,01$, рис. 8, В,Г). В **гиппокампе** же у контрольных крыс вместе с усилением уровня **СОМБ** ($F_{3,61}=10,9$, $p<0,001$, рис. 11, А,Б) растет активность супероксиддисмутазы (**СОД1**, $F_{3,63}=21,9$, $p<0,001$, рис. 12, А), причем ее увеличение заметно уже на следующие сутки – до существенного усиления уровня окислительного стресса. В то же время у ПС крыс уже на следующие сутки усиливается уровень окислительного стресса в **гиппокампе**, что может быть связано с усилением активности СОД1 только в гиппокампе контрольных, но не ПС крыс. При этом в **гипоталамусе** ($F_{3,63}=4,5$, $p<0,01$, рис. 8, В,Г) и **неокортексе** ($F_{3,63}=5,0$, $p<0,01$, рис. 10, В,Г) через 1 день возрастает уровень **ФОМБ**, что может обеспечивать более высокую устойчивость этих структур к окислительным последствиям ПТСР на фоне пренатального стресса. Через 10 суток в **гипоталамусе** и **неокортексе** ПС крыс по-прежнему не отмечается повышение уровня **СОМБ**, в отличие от **гиппокампа**. Зато уровень **ФОМБ** через 10 суток напротив снижается относительно исходного уровня, что может говорить об истощении защитных механизмов клеток. Кроме гиппокампа увеличение **СОМБ** обнаруживается в **плазме крови** ($F_{3,64}=30,7$, $p<0,001$, рис. 11, А,Б), где помимо этого также снижается активность ключевого антиоксидантного фермента **СОД3** (рис. 12, В). Хотя нарушения функционирования ГГАС после моделирования ПТСР сохраняются у ПС и в меньшей степени у контрольных крыс и через 30 суток, биохимические проявления постстрессовой патологии не обнаруживаются даже через 20 суток после рестресса.

Таблица 2. Изменение уровня ОМБ и активности СОД при моделировании ПТСР.

Структура	Контроль			Пренатальный стресс			
	1 день	10 дней	20 дней	отн. контроля	1 день	10 дней	20 дней
Гипоталамус		↑ СОМБ ↓ ФОМБ		↑ СОМБ ↑ ФОМБ	↑ ФОМБ	↓ ФОМБ	
Гиппокамп	↑ СОД1	↑ СОМБ ↑ СОД1		↑ ФОМБ	↑ СОМБ	↓ ФОМБ	↓ ФОМБ
Неокортекс		↑ СОМБ			↑ ФОМБ	↓ ФОМБ	
Плазма		↑ СОМБ ↑ ФОМБ ↓ SH		↑ СОД3	↑ ФОМБ ↓ СОД3	↑ СОМБ ↓ СОД3	

В ряде проведенных исследований (Tezcan и др., 2003; Ozdemir и др., 2015) оценивался уровень окислительного стресса и активности антиоксидантной системы у пациентов с ПТСР, но отличий от контрольной группы не обнаружено. Однако в одном экспериментальном исследовании с использованием той же модели «стресс-рестресс», что и в данной работе (Garabadi и др., 2015), показано увеличение уровня окислительного и нитрозативного (связанного с действием NO) стресса, а также снижение активности СОД и каталазы во всех исследованных областях мозга – гипоталамусе, гиппокампе, амигдале и префронтальной коре. В той же работе фармакологически показано участие митохондриальных цитохромов в патогенезе ПТСР. Введение рисперидона и пароксетина снижало время неподвижности в тесте Порсолта (выраженность депрессивноподобного поведения) и увеличивало время в открытых рукавах ПКЛ (уровень тревожности), а рисперидон еще и нормализовал сниженный уровень кортикостерона в плазме крови, что в сумме подтверждало их эффективность при терапии ПТСР. При этом рисперидон снижал вызванную моделированием ПТСР активность ферментативных комплексов митохондрий во всех исследованных структурах, а также уровень цитохрома-с, каспазы-3 и каспазы-9, оказывая антиапоптотическое действие. Пароксетин также снижал уровень каспазы-3, но не цитохрома-с и каспазы-9 во всех исследованных областях, однако повышал соотношение Bcl-2/Bax в гиппокампе, что также указывает на его антиапоптотическое действие.

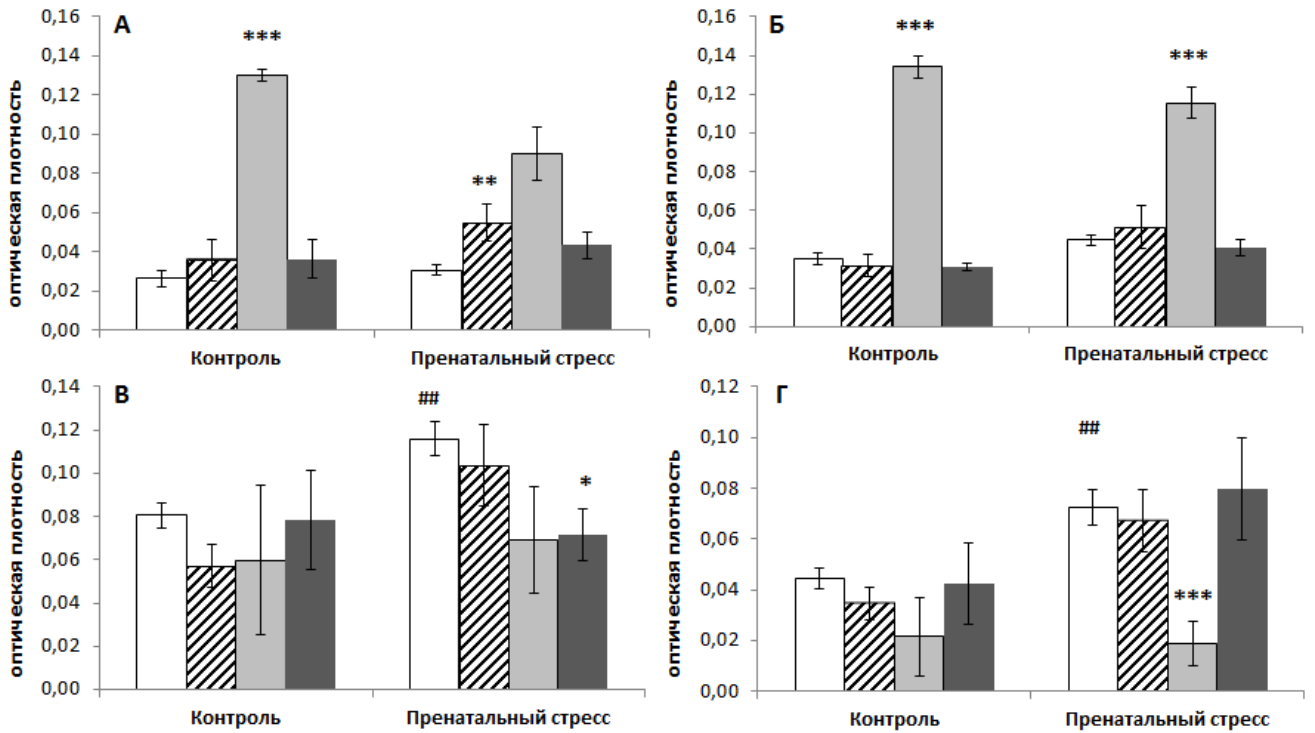

Рисунок 9. Спонтанные (А,Б) и индуцированные реактивом Фентона (В,Г) окислительные модификации белков (ОМБ) в гиппокампе. Подписи, как на рис. 8

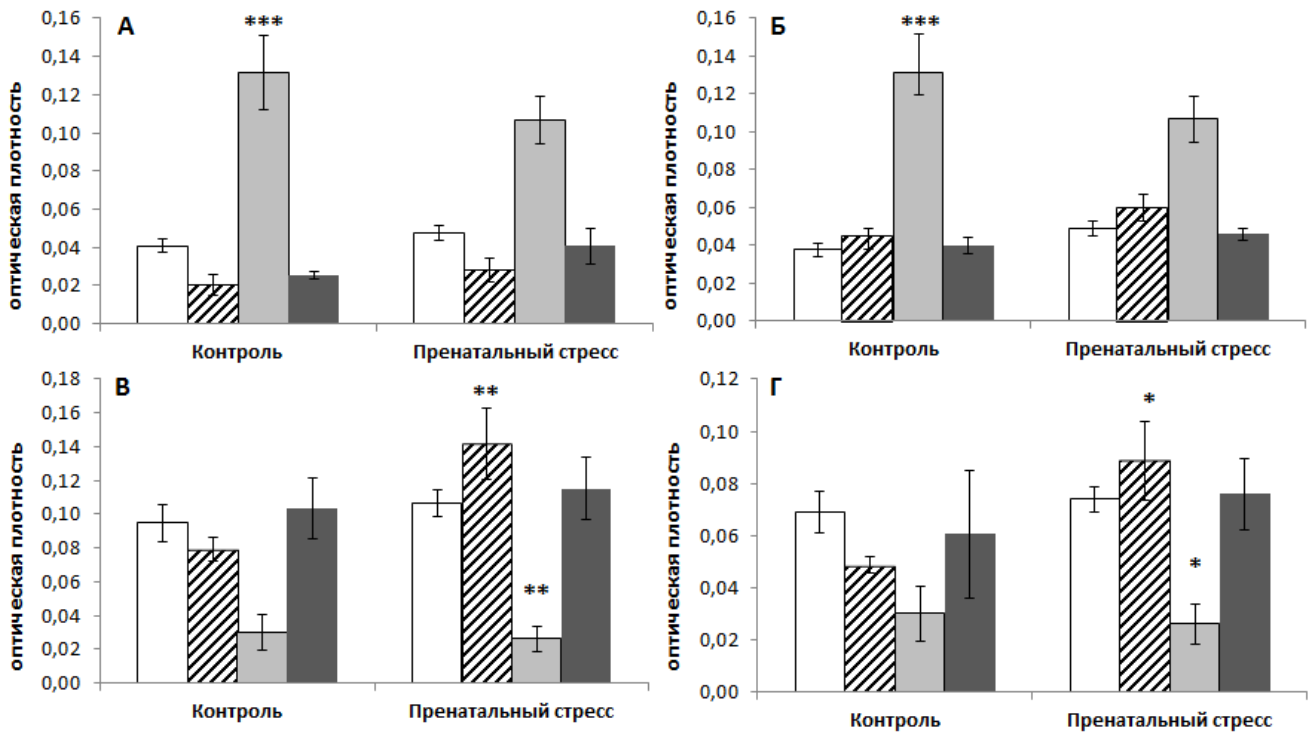

Рисунок 10. Спонтанные (А,Б) и индуцированные реактивом Фентона (В,Г) окислительные модификации белков (ОМБ) в неокортексе. Подписи, как на рис. 8

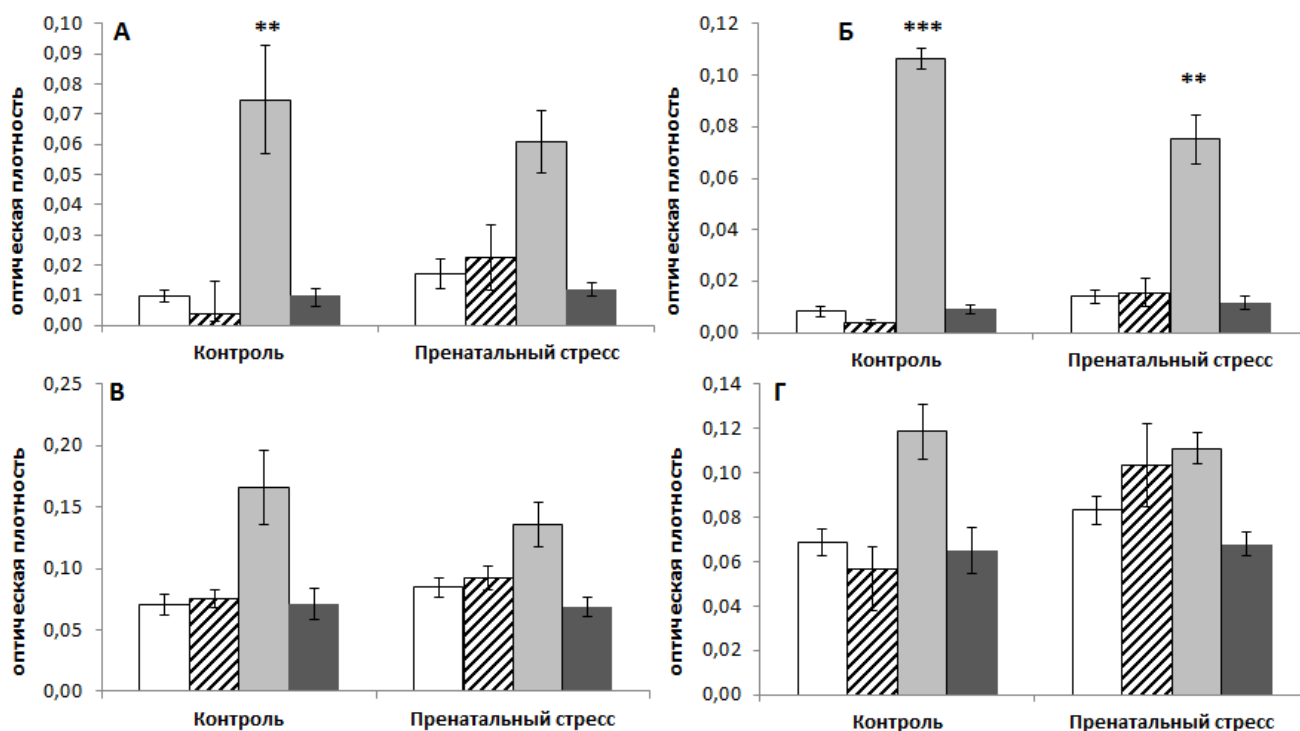

Рисунок 11. Спонтанные (А,Б) и индуцированные реактивом Фентона (В,Г) окислительные модификации белков (ОМБ) в плазме крови. Подписи, как на рис. 8

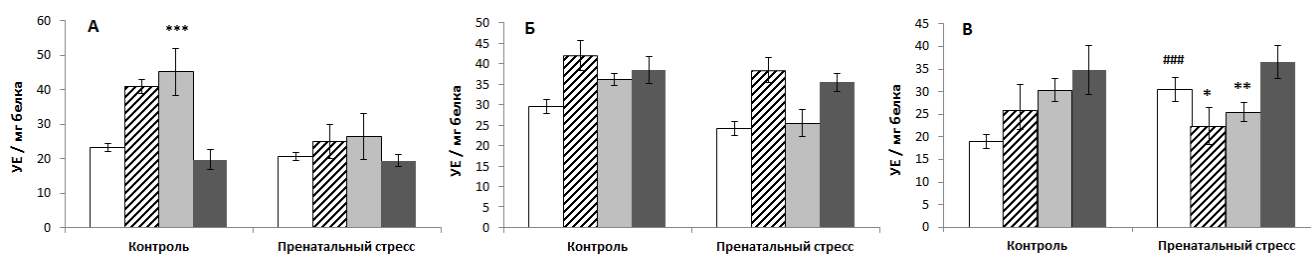

Рисунок 12. Активность СОД1 в гиппокампе (А) и неокортексе (Б), и активность СОД3 плазме крови (В). Подписи, как на рис. 8

Выводы

1. Моделирование посттравматического стрессового расстройства у пренатально стрессированных самцов приводит к формированию тревожно-депрессивного, а не тревожного, как у контрольных животных, состояния.
2. Пренатальный стресс вызывает значительное повышение базального уровня кортикостерона в плазме крови взрослых самцов крыс. Моделирование посттравматического стрессового расстройства у пренатально стрессированных самцов приводит к длительному снижению глюкокортикоидов в крови, а также к более сильному торможению гипоталамо-гипофизарно-адренкортикальной системы по механизму быстрой отрицательной обратной связи, в том числе и в отставленные сроки.
3. Активация гипоталамо-гипофизарно-адренкортикальной системы пренатально стрессированных крыс связана с увеличением содержания кортиколиберина и вазопрессина в паравентрикулярном ядре гипоталамуса. Динамика содержания этих нейрогормонов в ходе формирования ПТСР-подобного состояния у контрольных и пренатально стрессированных животных различается.
4. Снижение уровня глюкокортикоидных рецепторов в зубчатой извилине гиппокампа после пренатального стресса сопровождается нарушением механизма отрицательной обратной связи в гипоталамо-гипофизарно-адренкортикальной системе. При моделировании

посттравматического стрессового расстройства на фоне пренатального стресса наблюдается увеличение содержания минералокортикоидных, а не глюкокортикоидных рецепторов, в поле СА1 и зубчатой извилине гиппокампа, что может являться причиной снижения базальной активности и более выраженной отрицательной обратной связи гипоталамо-гипофизарно-адренкортикальной системы пренатально стрессированных крыс.

5. Пренатальный стресс приводит к увеличению уровня окислительной модификации белков в гипоталамусе. Формирование ПТСР-подобного состояния на фоне пренатального стресса характеризуется более быстрым запуском процессов окислительной модификации белков.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Статьи в рецензируемых научных журналах из списка ВАК:

1. Ордян Н.Э., Смоленский И.В., Пивина С.Г., Акулова В.К. Особенности формирования тревожно-депрессивного состояния в экспериментальной модели посттравматического стрессового расстройства у пренатально стрессированных самцов крыс // Журнал Высшей Нервной Деятельности. -2013. -Т. 63, № 2.- С. 280–289.
2. Пивина, С.Г., Ракицкая В.В., Смоленский И.В., Акулова В.К., Ордян Н.Э. Модификация экспрессии нейрого르몬ов в гипоталамусе пренатально стрессированных самцов крыс в модели посттравматического стрессового расстройства // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. -2014.- Т. 50, № 4. -С. 305–311.
3. Смоленский И.В., Притворова А.В. Ордян Н.Э. Влияние пренатального стресса на окислительные модификации белков и активность супероксиддисмутазы в мозге и крови самцов крыс в модели посттравматического стрессового расстройства // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова.- 2018. -Т. 104, №11. -С. 1270-1276.

Тезисы докладов

1. Смоленский И.В. Зависимость формирования тревожно-депрессивного расстройства в модели «стресс-рестресс» от стратегии приспособительного поведения // Сборник тезисов конференции «Механизмы адаптации физиологических систем организма к факторам среды». 2010. С. 98-99.
2. Смоленский И.В. Формирование постстрессорных расстройств у пренатально стрессированных самцов крыс // Сборник тезисов XVII Межгородской конференции молодых ученых «Актуальные вопросы патофизиологии». 2010. С. 113-114.
3. Смоленский И.В. Нейрогомональные аспекты формирования постстрессорного расстройства у пренатально стрессированных самцов крыс // Медицинский академический журнал. 2012. Т. 12. № 3. С. 46–48.
4. Смоленский И.В., Притворова А.В. Влияние пренатального стресса на окислительную модификацию белков в структурах головного мозга крыс в модели посттравматического стрессового расстройства // Сборник тезисов Всероссийской конференции с международным участием «Современные проблемы физиологии высшей нервной деятельности, сенсорных и висцеральных систем», посвященной 90-летию со дня основания Института физиологии им. И.П. Павлова РАН. 2015. С. 181-182.
5. Смоленский И.В., Притворова А.В. Влияние пренатального стресса на окислительную модификацию белков в структурах головного мозга крыс в модели посттравматического стрессового расстройства // Сборник тезисов XV Всероссийского совещания с международным участием и VIII школе по эволюционной физиологии, посвященных памяти академика Л.А. Орбели и 60-летию ИЭФБ РАН. 2016. С. 223
6. Смоленский И.В., Притворова А.В. Влияние пренатального стресса на окислительную модификацию белков в структурах головного мозга крыс в модели посттравматического стрессового расстройства // Материалы XXIII Съезда Физиологического общества им. И.П. Павлова. 2017. С. 629-631.